

Кулики-жаворонки

(отрывок из повести для детей «Жили-были»)

Татьяна Грибанова

Целую неделю, хлопоча по хозяйству, между прочим, бабуля с Машенькой разучивали коротенькие стишки-заклички, готовились жаворонков-куличиков встречать. Даже непоседливый Николка, которому все недосуг со своими серьезными мальчишескими заботами, и тот, измеряя лужи в палисаднике под створчатыми, расписанными ставенками, талдычит себе под нос, запоминая приговаривает:

*«Жаворонки, прилетайте!
Студену зиму прогоняйте!
Теплу весну принесите!
Зима нам надоела,
Весь хлеб у нас поела!»*

Наконец настал долгожданый праздник. А у Николки к тому же каникулы. В такие замечательные дни как не поваляться подольше на пёчке, не пошекочать улыбающуюся во сне Машутку?

Но когда бабуля в красном углу опускается на колени и, крупно крестясь, шепотом принимается толковать со святыми угодниками, ребятнишки затихают и прислушиваются к ее вздохам: «О, страстотерпцы Христовы, во граде севастии-стем мужественно пострадавшие, к вам, молитвенникам нашим, усердно прибегаем... Ей, угодницы Божии, будете нам защитницами от всех враг видимых и невидимых, да под кровом святых ваших молитв избавимся от всех бед, зол и напастей... ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

Поднявшись с половника, бабушка приступает к кухонным хлопотам. Премит сковородками и кубанками. Приметив, что внуки проснулись, манит их к столу – утешать.

– Нынче день с ночью меряется... Прилетел кулик из-за моря, принес весну из неволя. А сорока натаскала в свое гнездовье сорок палочек... Знать, снега сплунут теперь скорехонько. Облака, чем выше и дальше, тем белее и гуще. Мир све-е-глай! Коли теплынь на Сороки – впереди сорок теплых ден. Да и проталин-то уж, проталин! – потчужа ребят пахнушки Зорькой парням да подсушенными до хруста блинами-преснушками, – толкует за завтраком бабушка.

– О каких таких Сороках ты скрываешься, если сегодня Жаворонки? – недоумевает Машутка.

– Ну, так уж Господу угодно – нынче и жаворонков закличать, и о сорока святых мучениках севастиийских вспоминать, – не медлит бабуля.

– А почему их мучениками называют? – дознается до тошная Машутка.

– За веру христианскую смертешку лютую приняли, потому и святые, потому и мученики, – вздыхает старушка, – а опосля гибели своей, сказывают, превратились они в сорок жаворонков... Непростые это птички... По осени потянется вся ихняя братия длинными, гомонливыми вереницами в теплые страны, приветливые края, а они... только подуматы! На небушко, в самую что ни на есть высь поднимаются... А уж там – прямо к анделам на ладошки... Уж они тех птичек Божьих лелеют, уж они их нежут: Так в святости зимушку и проводят. А придет пора, вспорет первая молния небесный полог, вылетят из-под него жаворонки, понесут на своих крыльышках весенние погоды.

Возвращусь – выводи коня, мужичок, принимайся за пахоту. Недаром говорят, мол, жаворонк небо пашет. Улыбишь в вышине его «юль-юль», присмотришься – эвон как трудится, пашет: то взмост в самую верхотуру, то со всего маху – бац! – оземь.

– А из себя птичка эта, – встревает дедушка, – не дюжать приметная: со спинки – землисто-буренькая, а по брюшку – больше рыжеватобелая. Бывает, посчастливится, столкнешься и с хохлатой. Вот ведь и неказист шельмец, а уж как поет, какие трели запускает! От других певчих его сразу отличишь: голос у жаворонка (поет только самчик), что у серебряного колокольца, мягонький и жалобна-а-й! А какой чистай! Летает и льетса, прямо ручеек по камушкам журчит. Ни одного резкого звука. Крыльышками затрепещет, горлышком задрожит, кажется, что стоит в воздухе на одном месте.

– А коли заведут сразу несколько жаворят, так почувдятся: сами небеса свету Божьему акафисты распевают! И на душечку восходит радость и покой, – не может не заметить бабушка.

– Станет он на крыло, поднимется за сотню метров, – продолжает дедуня, – уж и в невидимую точку превратится, но поет так громко, из-под небесной выси такой концерт закатит, что слышен в округе на километры. Работает ли на посевной, идешь ли по сельком на косовицу, а он, родимый, тут как тут, трелями своими звенит, переливается. И все норовит всякие разные чужие песни «переснять». Порои выкидывает такие замысловатые колена! Прислушавшись: тут тебе и трели иных каких птиц, дажить различные голоса мелочи степной – полевок, сусликов.

– Иду я однажды в Сивиньи лужи на дойку, – снова всту-

пает бабуля, – ни ручейка, ни прудка какого – холмы да балочки, прислушалась: лягушки вроде курлычат. Присмотрелась: обочь дороги на кротовой кочке стоит [знать, передохнуть привстала], горлышко к небу тянет пичужка: сама – чуть покрупней воробышка, головка небольшим хохолком принаряжена, по краю хвостика белые кружавчики, понад глазками-конопельниками – светленькие бровки. Стоит себе, по-лягушачьи подквакивает, и головкой – на бочок: остерегается, нет ли в небе ястреба-шкюдника, и тут же на другой бочок скривит голову, и бисеринками своими черненькими – то на меня, то в сторону. А там, чуть подалей, – еще одна, а там, на третьей кочке, – еще. А вот как те-то птички росы схлебнули, в пыли (ну, воробы воробыми!) почебуррались, да взмыв к небушко «рассыпались», тут я только и уразумела, что это самые что ни на есть жаворонки. Вить, по-лягушки петь – это у них баловство такое.

– И заканчивает свое пенье этот шельмец тожить хитро. Р-р-раз – и словно по команде радио выпочили! А ты все стоишь, ждешь продолжения его расчудесной музыки, – подытоживает своей рассказ дедуня.

Машутке с Николкой, ясное дело, не терпится тут же на улицу, необычную птицу сыскать. Но дедуля степенит, мол, куда это ни свет, ни заря? Да и бабушка придвигает лавку с пыхавошей дежкой поближе к столу, поддакивает деду-не.

– Милаи мои, откуда солнышко из-за Кулиги на Косматую гору карабается, жаворонков нам не видать. А мы за то-то времечко и своих птичек настряпсас. Да напомним тебе, старой, чтоб не позабыла о сорока орешках, «колюбанах золотых – сороках сыных». Бывало, напечет их матушка из ржаной или овсяной муки – гора горой, да нам, деткам, по одному в день и вы-

даст. Чтоб на подворье выкидывали... Да не молчком, а с присказкой:

*«Мороз Красный нос!
Вот тебе хлеб и весел!
А теперь убирайся
подобру-поздорову!»*

Баушка моя, Царствие ей небесное, – вздыхает Мария Петровна, – тожить выдумчица была. Усадит нас, детшиков, рядком и давай об старине сказывать. Мол, раньше-то, бывало, на Сороки матери своим детям и спать-то не давали, покроят решетом, постучат по нем палочкой, слушать заставляли, как пост переломится. Ить Сороки разделяют его как раз-таки напополам. И пренебрежимо посреди Великого поста пекут кресты. Посадят меня, самую старшенькую, ночью на печь, чтобы подслушала, как перейдет половина поста. Слухаю, бывало, слушаю – ничегошеньки не вылежу, сон напавал морит. И вдруг – ка-а-к треснет чтой-то в переднем угле избы! Ну, думаю, знать пост наконец-таки свою середину перевалил.

Сполосните ручонки под рукойойником, касатики, да за работу. Посмотрим, у кого куличок хитрей задастся.

Раскатали тесто длинными-предлинными колбасками. Нарезали на кусочки и ну в ульи завязывать! Вложили птушатак на две огромные чугунные сковородки и давай «убирать»: с одной стороны вылепили хохлатые головки с клювиками, у каких глазки – конопелинки, у каких – изюминки; с другой – прищепнули деревянной лопаточкой хвостики, прилепили крыльышки, чик-чик их острым ножиком, веером расправили осыпанные маком перышки-пальчики. Смазали их забитым желтком да морковным соком и – в смлевшую печь, на ласковый жар.

Пока кулики доходили, подоспел и дедушка с охалкой сена. Запелли из него косицами гнездышки, выстлали ку-

ринными перьями донышки. А как подошли жаворонки, так и усадили ладком в них румяных птичек. Одно гнездышко поставили на подоконник, раскрыли настежь форточку – летите, весну привечайте!

Еще одно гнездышко отнесли в курятник, «чтобы пеструшки пощибей неслись», чтоб не брала их никакая хворь.

Когда солнышко затопило подворье, забултыхалось в размашистой лужине за крыльцом, поспела и вся выпечка. Бабуля спровадила внучат на улицу, набив карманы пальтишек круглыми, горячими пряниками, на раздачу соседской ребятне. Сама, усевшись на завалинке, придремывала на разыгравшемся солнышке. Приглядывая за детворой, подсказывала, рассадить лучше приладить, рассадить еще тепленьких, свежеспеченных жаворонков на колышки плетня, на кусты сирени.

Дедуня притащил из-под сарая две длиннющие орешники. Выстругал топориком шесты. На них усадили куликов, и Машутка, а за ней и Николка принялись звать жаворонков. Раскаживали по подворью, выглядывали за ворота, кувыркали на соломе, приговаривали:

*«Кулики-жаворонкушки,
Летите в одоноушки,
Пашиничку клевать,
Куколь выбирать!»*

Когда за сумеречной бахшой кипевшие в полдень белым ключом облака поплыли истлевыми коленированными лоскутами, Машутка с Николкой, обкусав у румяных птичек крыльышки и хвостики, угощали жаворонками головками и Зорюшку, и чуть подросшего ее сына Бурчика: «Чай не чужие!» Хватило и коту, полакомился и шенок. А крошки от сдобных бабулиных куличков разбросали по подворью птичкам залетным, чтобы, отведав их, они еще шибче славили весну.